EDN: BHWAKP

ПОДХОД ФРГ К ВЗАИМОДЕЙСТВИЮ С РЕСПУБЛИКОЙ ПОЛЬШЕЙ В СФЕРЕ БЕЗОПАСНОСТИ И ОБОРОНЫ (К СЕРЕДИНЕ 2020-х ГОДОВ)

Check for updates

Ф. О. Трунов

Институт научной информации по общественным наукам РАН, 117418, Россия, Москва, Нахимовский просп., 51/21

Поступила в редакцию 24.02.2025 г.
Принята к публикации 21.04.2025 г.
doi: 10.5922/2079-8555-2025-2-3
© Трунов Ф. О., 2025

Исследуются современные особенности кооперации Германии и Польши в политической и военной областях. Методически использованы сравнительный анализ и теория строительства вооруженных сил (ВС). В условиях конфронтации между Евро-Атлантическим сообществом и РФ стратегия Польши была схожа с линией Западной Германией в Холодную войну. Республика Польша (РП) подчеркивала свое положение как крупнейшего государства — члена НАТО в передовой части ее зоны ответственности, укрупнила ВС, стала реципиентом масштабного присутствия США. РП рассчитывает войти в круг «западных держав». Но современная ФРГ сама стремится увеличить вес в НАТО. Это обусловливает сочетание кооперации и заметной конкуренции в отношениях Германии и Польши. На концептуальном и практическом уровнях ФРГ уделяла повышенное внимание «Веймарскому треугольнику» как выразителю интересов ЕС, особенно на постсоветском пространстве. Стремясь ослабить влияние Германии, Польша в 2010-е гг. прервала работу «Веймарского формата» и механизма межправительственных консультаций. К середине 2020-х гг. обе площадки возобновили работу, а ФРГ укрепила позиции в отношении РП. Прежде всего это обусловлено заметным ростом стратегического присутствия Германии в Восточной Европе вне Польши, взаимной обеспокоенностью из-за риска ослабления позиций Запада в Украине. Польша ускоренно наращивала ВС, выйдя (2024) по их численности на третье место в НАТО. Германия более инерционна, но рациональнее использовала бундесвер, особенно в «домашнем» для РП регионе, развернула наземное присутствие к северу и югу от нее. Делается вывод о перспективах сотрудничества, рисках для обороны России и Беларуси.

Ключевые слова:
Германия, Польша, «восходящая» держава, «Веймарский треугольник», межправительственные консультации, НАТО, ЕС, вооруженные силы, военные расходы, поддержка Украины

Введение

Исторически германо-польский диалог проходил через продолжительные периоды отчужденности и обычно относительно короткие по времени отрезки сотрудничества. Важнейшим фактором исторической памяти в отношениях стала Вторая

Для цитирования: *Трунов Ф. О.* Подход ФРГ к взаимодействию с Республикой Польшей в сфере безопасности и обороны (к середине 2020-х годов) // Балтийский регион. 2025. Т. 17, №2. С. 49—72.
doi: 10.5922/2079-8555-2025-2-3

мировая война: агрессия Третьего рейха против Польши (1939), установление крайне жестокого оккупационного режима (страна потеряла 6,028 млн жителей, или более 21 % от всей численности) [1, с. 213]. В результате Ялтинско-Потсдамских соглашений 1945 г. Польша заметно расширила границы на западе и севере за счет территорий безоговорочно капитулировавшей Германии. В конфронтации Запад — Восток отношения вновь возникшей (1949) ФРГ и Республики Польши (РП) оставались сложными. Вехой стало коленопреклонение 7 декабря 1970 г. канцлера В. Брандта перед памятью жертв варшавского гетто.

В условиях распада социалистического содружества официальная Варшава проявила интерес к скорейшему сближению с Евро-Атлантическим сообществом[1]. Роль одного из проводников в него для РП приняла ФРГ. Символичны подписание общеполитического двустороннего договора о добрососедстве и сотрудничестве от 17 июня 1991 г. (оформление де-юре нового качества отношений, снятие вопроса о признании ФРГ западных границ РП и запуск формата межправительственных консультаций)[2], учреждение 28—29 августа 1991 г. «Веймарского треугольника» (Германия, Польша, Франция) [2, с. 123—124]. Опираясь на поддержку западного соседа, официальная Варшава в 1999 г. вступила в НАТО, а в 2004 г. — в ЕС.

К середине 2010-х гг. германо-польский диалог в сфере безопасности и обороны выглядел продвинутым. Однако затем все более заметными стали сохранявшиеся «раздражители», прежде всего обусловленные неофициальным спором о старшинстве в диалоге. Надолго приостановили работу «Веймарский треугольник» на высшем уровне (после 2011 г. на 11 лет)[3], формат межправительственных консультаций (после 2018 г. на 6 лет) [3, с. 63]. Официальная Варшава подвергала критике Берлин в рамках ЕС (прежде всего в период кризиса беженцев 2015—2017 гг.), НАТО (особенно на фоне первого президенства Д. Трампа) [4, p. 20—21], вновь обращалась к чувствительным сюжетам в исторический памяти, ставя вопрос о крупных репарациях за злодеяния Третьего рейха [5, с. 49—50; 6]. Германия настойчиво и последовательно препятствовала попыткам оказать давление со стороны Польши, притом Берлин действовал аккуратно [7]. К середине 2020-х гг. межгосударственные отношения стали вновь демонстрировать подъем: поводом и одной из причин стала специальная военная операция (СВО) РФ с 24 февраля 2022 г.[4]. Однако, несмотря на декларируемый сторонами оптимизм, едва ли возможно утверждать об исчезновении большинства «раздражителей» в диалоге.

Цель статьи — исследовать особенности современной (к середине 2020-х гг.) линии ФРГ по выстраиванию отношений с РП в сфере безопасности и обороны. Это предполагает решение следующих задач: рассмотреть использование Польшей в условиях конфронтации Запада и РФ опыта Западной Германии в Холодную войну; изучить концептуальные установки ФРГ в отношении РП; раскрыть особенно-

[1] Под Евро-Атлантическим сообществом в статье понимается совокупность государств — членов НАТО и ЕС, сами эти институты.

[2] Vertrag zwischen der Bundesrepublik Deutschland und der Republik Polen über gute Nachbarschaft und freundschaftliche Zusammenarbeit vom 17. Juni 1991. 17.06.1991, *Auswärtiges Amt*, URL: https://www.auswaertiges-amt.de/blob/2466170/57020a2e3064c4f8b8785dbd3aced4d6/deutsch-polnischer-nachbarschaftsvertrag-data.pdf (дата обращения: 07.02.2025).

[3] Pressestatements von Bundeskanzler Scholz, dem französischen Präsidenten Macron und dem polnischen Präsidenten Duda beim Treffen im Format des Weimarer Dreiecks am 8. Februar 2022 in Berlin. 08.02.2022, *Bundeskanzleramt*, URL: https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressestatements-von-bundeskanzler-scholz-dem-franzoesischen-praesidenten-macron-und-dem-polnischen-praesidenten-duda-beim-treffen-im-format-des-weimarer-dreiecks-am-8-februar-2022-in-berlin-2003880 (дата обращения: 07.02.2025).

[4] Ibid.

сти политико-дипломатических контактов, особенно работу переговорных площадок; изучить возможности и пределы кооперации вооруженных сил (ВС), исходя из особенностей их развития. Заявленная проблематика исследуется с опорой на документы ФРГ с учетом того, что она обладает большей ресурсной базой, а ее внешнюю политику отличает очень высокая степень преемственности.

В статье нашел применение сравнительный анализ (например, при изучении причин прерывания работы переговорных площадок), контент-анализ (прежде всего частота упоминаемости Польши в доктринальных документах Германии). Методологически были использованы положения теории строительства ВС: она рассматривает каждое заметное изменение их организационно-штатной структуры как показатель перемен практических приоритетов во внешней политике [8]. Здесь фокус был сделан на эволюцию системы присутствия бундесвера в Восточной Европе, заметное увеличение Войска Польского.

Внешней политике ФРГ эксперты традиционно уделяют большое внимание. Конкретно ее польскому вектору посвящены работы с характеристикой сотрудничества сторон в ЕС и НАТО [4; 5; 9—11], особенностям работы переговорных форматов [7; 12]. В основном рассматривались конкретные сюжеты, значимые, но недостаточные сами по себе, чтобы создать общую картину диалога на протяжении нескольких лет. Ограниченно освещены военные аспекты взаимодействия стран: они изучались в основном в контексте вклада ФРГ в комплектование сил передового развертывания (СПР) НАТО [13].

Рассматривая внешнюю политику Польши, исследователи повышенное внимание уделяли изменениям, которые привнесла уверенная победа правоконсервативной партии «Право и справедливость» (ПиС) на парламентских выборах 2015 и 2019 гг., избрание представителя ПиС А. Дуды президентом РП (2015, 2020) [14—17]. В меньшей мере пока изучается фактор прихода к власти коалиционного правительства Д. Туска с ведущей ролью у либеральной «Гражданской платформы» (при сохранении заметного влияния у ПиС в парламенте, а ее представителя — президентом) [18]. Эксперты в целом солидарны в том, что магистральная направленность внешней и военной политики РП сохраняется. Особенно ценен корпус работ по действиям и планам Польши у границ Калининградской области РФ [19; 20], Беларуси [21; 22], на украинском направлении [23], о вкладе РП в процессы регионального строительства в Восточной Европе [24], а также участии в «сдерживании» КНР [25].

Стратегия Западной Германии как ориентир для современной Польши

ФРГ с момента создания (1949) неизменно подчеркивала свою органичную и де-юре бессрочную встроенность в Евро-Атлантическое сообщество, неразрывно связывая собственные успехи с укреплением и распространением его влияния. Этот подход стал характерен с 1990-х гг. и для РП, притом степень ее готовности инкорпорировать ценности либеральной демократии была ниже, чем у ФРГ [10, с. 10—17].

Лагерь «западных демократий» с направляющей ролью в нем США (и Великобритании) сложился во Вторую мировую войну. Безусловно, каждое расширение НАТО и ЕС заметно изменяло состав Евро-Атлантического сообщества, но не ломало основ сформировавшейся структуры. Поэтому его следует считать в основе устоявшимся — на момент вступления (по дате вхождения в НАТО) ФРГ (1949) и, спустя полвека, РП (1999), а тем более когда стартовали попытки каждой из этих стран реализовать лидерские устремления. В случае Федеративной

Республики достаточно позднее проявление таковых обусловлено фактором ее исторической ответственности за злодеяния Третьего рейха. Как результат в рамках Евро-Атлантического сообщества современные Германия и Польша являют редкий для него пример «восходящих» держав.

В Холодную войну ФРГ последовательно увеличивала политический вес: от возникновения (1949) как ведомой «западными державами» (США, Великобритании, Франции) до присоединения де-факто к их триумвирату, что сделало его тетрархией. Это стало отчетливым после решения в интересах ФРГ (и США) «германского вопроса» (1990), что стало одним из символов появления постбиполярного мира. Уже в его реалиях Германия решениями перенести столицу из Бонна в Берлин, символ имперской мощи (осуществлено в 1998—1999 гг.), и принять участие в военно-воздушной операции НАТО против Югославии (1999) смогла окончательно утвердиться в качестве региональной державы. Это стало отправной точкой для остающегося незавершенным движения ФРГ к положению государства, способного полноценно оперировать политически и в военном отношении на глобальном уровне.

Рамочные условия в 1949—1990 гг. для представленных успехов задавал фактор конфронтации Запад — Восток. Официальный Бонн умело использовал свою высокую ценность для союзников по Альянсу, которая имела два основных проявления.

Во-первых, Западная Германия была самым крупным государством-членом блока передовой части зоны ответственности Альянса, находилась именно в ее центре. При этом Западная Германия неоднократно, особенно при К. Аденауэре (1949—1963) и «раннем» Г. Коле (в середине 1980-х гг.), занимала из стран Запада одну из самых жестких позиций в отношении СССР, в единой увязке с этим осуществляла ремилитаризацию [26, с. 193—211].

Во-вторых, Боннская республика развернула многочисленные (около 0,5 млн военнослужащих в 1970—1980-е гг., что составляло более 20 % к размерам ВС США[1]), хорошо оснащенные, боеспособные конвенциональные силы, прежде всего мощные сухопутные войска. Западногерманский бундесвер с 1960-х гг. стал крупнейшим «наполнителем» группировок НАТО в передовой части ее зоны ответственности, был полностью интегрирован в Альянс [26, с. 212—228; 27]. Одновременно ФРГ выступала реципиентом масштабного союзнического (до 1955 г. оккупационного) военного присутствия; в 1970—1980-е гг. его размеры составляли примерно 0,5 млн военных (то есть были равны бундесверу), из них около половины приходилось на контингенты США [27, с. 2]. Официальный Бонн с 1960-х гг. проявлял интерес в получении опосредованного доступа к ядерному оружию (ЯО) США на западногерманской территории [26].

Стратегия РП в условиях современной конфронтации между Евро-Атлантическим сообществом и РФ схожа с линией поведения ФРГ в Холодную войну. Между двумя примерами существовал ряд различий: Западная Германия обладала неполным суверенитетом, Польша — реальным таковым. Общей целью было стремление властей в Варшаве, используя опыт ФРГ, войти в число «западных держав» [23].

Во-первых, в результате расширений на восток НАТО в ее новой передовой части зоны ответственности Польша оказалась крупнейшим государством-членом блока. Подход официальной Варшавы к «сдерживанию» России (и Беларуси) стал одним из самых жестких.

Во-вторых, РП с 2014 г. двигалась по пути ускоренной милитаризации, с 2021—2022 гг. процесс приобрел качественно новые скорость и масштаб. На 2023 г. Войско

[1] Рассчитано на основе: Financial and economic data relating to NATO Defence. M-DPC-2 (91) 105. 1991, NATO, *Brussels*, p. 8.

Польское насчитывало свыше 200 тыс. военных, а в будущем его предполагается увеличить до 300 тыс. чел.[1]. Сравнивая этот показатель с западногерманским бундесвером, следует учесть заметную разницу между размерами национальных ВС стран — участниц НАТО в конфронтации Запад — Восток и 2014—2023 гг. (в среднем в 1,8 раза меньше во втором случае) [28]. В современном Войске Польском важнейшая роль отведена наземным войскам. Они не только очень быстро росли, но заметно модернизировались технико-технологически (с закупкой вооружений прежде всего у США и Южной Кореи) [21, с. 39—98]. ВС РП представляют крупнейшую величину для потенциала НАТО в Восточной Европе. Регион в целом и непосредственно РП стали реципиентами присутствия партнеров по НАТО. К середине 2020-х гг. в Польше на ротационной основе находилось до двух бригадных боевых групп армии США (в ФРГ — одна); численно крупнейшее их присутствие продолжало оставаться в Германии [29, с. 70—77]. Как и Западная Германия, Польша стремилась выстроить особо доверительные отношения с США, встречая их поддержку как при Д. Трампе, так и при Дж. Байдене [4; 14; 23].

Возникают, однако, два принципиальных вопроса. Насколько в принципе может быть результативна указанная стратегия РП, выстраиваемая на основе опыта ФРГ Холодной войны? Так, решение «германского вопроса» (1990) в соответствии с видением официального Бонна стало прежде всего результатом «опережающих уступок» от тогдашнего руководства в Москве во главе с М. С. Горбачевым. Возможность повторения Россией такой линии, которая противоречит национальным интересам, не просматривается в принципе.

Насколько современная Германия готова поддержать или как минимум принять линию другого государства, оспаривающего у ФРГ лидерство в Европе и в НАТО, в основе опирающегося на ее схемы поведения? Тем более что сам официальный Берлин вновь обратился к ним в контексте «сдерживания» РФ. Власти Германии провозгласили стремление создать крупнейшие конвенциональные силы среди европейских государств — членов НАТО, повышенное внимание уделяют росту присутствия в Восточной Европе [30, с. 4—8].

Основы подхода ФРГ к взаимодействию с РП: концептуальный срез

В Германии система документов стратегического планирования по вопросам безопасности и обороны состоит из нескольких уровней. На 2-м («Руководящие принципы оборонной политики», последняя публикация — 2023 г.[2]) и 3-м («Концепция бундесвера», крайняя версия 2018 г.[3]) внимание сосредоточено на приоритетах Министерства обороны ФРГ, подробной оценки возможностей их достичь. В документах данных уровней практически нет упоминаний конкретных партнеров Германии, в том числе Польши.

По-иному важнейшие для ФРГ межгосударственные диалоги освещены в доктринальных документах 1-го уровня. В «Белой книге политики в области безопасности и будущего бундесвера» (2016) Польша упомянута четыре раза, в том числе в контексте цели выстраивать общую внешнюю политику и политику безопасности

[1] Polish officer: it will take us a decade to reach 300 thousand military personnel. 15.08.2024, *Military review*, URL: https://en.topwar.ru/248250-polskij-oficer-dlja-dostizhenija-chislennosti-300-tysjach-voennosluzhaschih-nam-ponadobitsja-desjat-let.html (дата обращения: 07.02.2025).

[2] Verteidigungspolitische Richtlinien 2023. 2023, Berlin, *BMVg*, 36 S.

[3] Die Konzeption der Bundeswehr. Ausgewählte Grundlinien der Gesamtkonzeption. 2018, Berlin, *BMVg*, 40 S.

(ОВПБ) ЕС (с использованием «Веймарского треугольника»)[1] и совместно участвовать в комплектовании соединений и группировок НАТО[2]. Здесь Польша поставлена в один ряд с Францией (с ней Германия имела двустороннюю бригаду) и Нидерландами (с которыми у ФРГ имелся двусторонний корпус, включая мощную 1-ю танковую дивизию бундесвера с голландской механизированной бригадой в составе)[3]. Германия рассчитывала на углубление сотрудничества с Польшей с использованием штаба трехстороннего корпуса НАТО «Северо-Восток» (с 1999 г.; также с участием Дании; германские боевые части в его составе к середине 2010-х гг. расформированы или выведены).

Однако эти надежды официального Берлина оказались иллюзорными. Это и в целом разочарованность ФРГ характером взаимодействия с РП проявились в отсутствии упоминаний Польши в прецедентной для Германии Стратегии национальной безопасности (СНБ) от 14 июня 2023 г. Документ уделял внимание фактору росту присутствия бундесвера в передовой части зоны ответственности НАТО[4]: процесс происходил почти без опоры на диалог с РП.

Официальный Берлин разрабатывал документы стратегического планирования по конкретным регионам мира (например, Арктике, 2013, 2019, 2024 гг.; Индо-Тихоокеанскому региону, 2020 г.), отдельным крупнейшим государствам (прежде всего по Китаю в 2023 г.). Однако к 2025 г. подобные концепции не были опубликованы ни по Восточной Европе, ни непосредственно по Польше. Это обусловлено тем, что ФРГ традиционно избегала издавать отдельные доктринальные документы по отношениям с партнерами по Евро-Атлантическому сообществу. В контактах с ними Германия руководствовалась совместно принятыми решениями по линии НАТО (по итогам нетехнических саммитов, стратегическими концепциями) и ЕС, что отражало принадлежность ФРГ к числу «западных демократий», приверженность либеральным ценностям. Официальный Берлин опубликовал «Белую книгу по мультилатерализму» в мае 2021 г., на фоне завершения первого президентства Д. Трампа с характерным для него предпочтением унилатерализма, давлением на ФРГ и ЕС [4; 5; 11]. В «Белой книге» (2021) не была упомянута Польша[5] в отличие от многих других партнеров Германии. Это обусловлено активной поддержкой от правительства ПиС давления США на ФРГ в конце 2010-х гг.

Показательна эволюция подхода к кооперации с РП в коалиционных договорах, которые после очередных выборов в Бундестаг заключали партии правительственной коалиции. Во всех документах данного типа 2013, 2018 и 2021 гг. положения об отношениях с Польшей (как части блока по межгосударственным партнерствам внутри ЕС) поставлены на второе место, уступая лишь диалогу с Францией[6].

---

[1] Weissbuch zur Sicherheitspolitik und zur Zukunft der Bundeswehr. 2016, Berlin, *Bundesregierung*, S. 74.

[2] Ibid. S. 77, 80.

[3] 1. Panzerdivision. 2025, *BMVg*, URL: https://www.bundeswehr.de/de/organisation/heer/organisation/1-panzerdivision (дата обращения: 07.02.2025).

[4] Wehrhaft. Resilient. Nachhaltig. Integrierte Sicherheit für Deutschland. Nationale Sicherheitsstrategie. 2023, Berlin, *Bundesregierung*, S. 6.

[5] Gemeinsam für die Menschen. Weißbuch Multilateralismus der Bundesregierung. 2021, Berlin, *Bundesregierung*, 151 S.

[6] Deutschlands Zukunft gestalten Koalitionsvertrag zwischen CDU, CSU und SPD. 18. Legislaturperiode. 2013, Berlin, *Bundestag*, S. 165, 167, 170 ; Ein neuer Aufbruch für Europa. Eine neue Dynamik für Deutschland. Ein neuer Zusammenhalt für unser Land. Koalitionsvertrag zwischen CDU, CSU und SPD. 19. Legislaturperiode. 2018, Berlin, *Bundestag*, S. 9, 146 ; Mehr Fortschritt wagen. Bündnis für Freiheit, Gerechtigkeit und Nachhaltigkeit. Koalitionsvertrag 2021—2025 zwischen der Sozialdemokratischen Partei Deutschlands (SPD), BÜNDNIS 90 / DIE GRÜNEN und den Freien Demokraten (FDP). 2021, Berlin, *Bundestag*, S. 126, 136.

Германия подчеркивала признание исторической ответственности за злодеяния Третьего рейха (например, поддержка инициативы создать при Бундестаге центр по документации о Второй мировой войне). Вместе с тем это отнюдь не означало готовности ФРГ уступать РП по ключевым вопросам. В коалиционных договорах (2013, 2018, 2021) Германия демонстрировала интерес к сотрудничеству именно по линии ЕС (намного реже ОБСЕ), но почти не упоминала НАТО, где конкуренция сторон была намного более заметной, а разница в потенциале и влиянии не столь значительна в пользу Берлина. В развитии диалога с РП Германия уделяла особое внимание использованию «треугольника» с вовлечением Франции («Веймарского», так проявлялось стремление преодолеть сбои в его работе), а до 2014 г. — также еще одного с участием РФ[1]. Содержательно повышенное внимание уделено развитию с Польшей общественных связей, сотрудничеству в области молодежной политики. Напротив, координация в сфере безопасности и обороны упоминалась ограниченно, притом в принципе отсутствовали отсылки к кооперации здесь в западной части постсоветского пространства[2]. Это фиксировало наличие заметных проблем в диалоге, стремление ФРГ обеспечить на доктринальном уровне свободу маневра там, где споры с РП были наиболее острыми.

В целом коалиционный договор 2013 г. отражал уверенность официального Берлина в возможности вести диалог с Варшавой без заметных сбоев. Документ 2018 г. фиксировал готовность преодолеть заметный спад, с обеспечением за ФРГ старшинства в отношениях. Интересно в этой связи обращение к фактору исторической памяти: в договоре (2018) признавалась заметная роль Польши и Венгрии (основных критиков ФРГ в ЕС в то время) в решении «германского вопроса» (1990), чье урегулирование резко укрепило позиции Федеративной Республики. Документ 2021 г. отражал ее заметный скепсис на фоне сохранения и роста «раздражителей» в диалоге. Эволюцию восприятия фактора РП иллюстрировала частота ее упоминаний в коалиционных договорах: в 2013 г. — 5 раз, в 2018 г. — 6 случаев, а в 2021 г. — всего 2 раза[3].

Политический диалог: эволюция содержания и институционального измерения

К середине 2020-х гг. правовую основу отношений продолжал определять договор о добрососедстве и сотрудничестве от 17 июня 1991 г.[4]. В соответствии с п. 3 документа был создан формат межправительственных консультаций, который регулярно собирался (примерно с двухлетней частотностью) до 2018 г. включительно. В течение двух месяцев после заключения договора (1991) на уровне министров иностранных дел был учрежден «Веймарский треугольник». В последующем встречи стали проходить на уровне глав государств и правительств, а также президентов нижних палат национальных законодательных собраний (Бундестага, Сейма, Национального собрания), председателей их профильных комитетов (табл. 1). Для всех форм данных встреч не задавалась жесткая частотность, то есть график был гибким (в отличие от межправительственных консультаций). На начало 2010-х гг. состоялись пять переговоров с участием президентов Польши и Франции, канцлера

[1] Ibid.
[2] Ibid.
[3] Ibid.
[4] Vertrag zwischen der Bundesrepublik Deutschland und der Republik Polen…

Германии: в Познани (1998), Нанси (1999, 2005), Хамбахе (2001), Варшаве (2011)[1]. Во время подготовки и вступления РП в НАТО (1999) и ЕС (2004) «Веймарский треугольник» на высшем уровне собирался почти ежегодно. Вхождение Польши в Евро-Атлантическое сообщество сопровождалось уменьшением ее интереса к формату, тем самым к сотрудничеству с Германией и Францией в пользу США и Великобритании. В 2000-е гг. встречи проходили с перерывом в 4—6 лет, а после 2011 г. наступила 11-летняя пауза. Консультации на высоком уровне — глав внешнеполитических ведомств — проходили чаще (обычно раз в 1—2 года). Однако и здесь возник заметный перерыв: после сентября 2015 г. встреча состоялась лишь в октябре 2020 г.[2]. Чем обусловлены указанные остановки в работе «Веймарского треугольника» и межправительственных консультаций (последние — с ноября 2018 г.)?

Таблица 1

Особенности функционирования «Веймарского треугольника»

Уровень чиновников	Дата первой встречи данного типа	Дата последней встречи (к 2025 г.)
Министры иностранных дел	1991 г., август	2024 г., май
Главы государств и правительств	1993 г., сентябрь (неофициально) 1998 г., февраль (официально)	2024 г., март
Председатели комитетов Нижних палат парламента по внешней политике, ЕС	2007 г., март	2024 г., ноябрь
Президенты нижних палат национальных парламентов	2010 г., май	2019 г., май

Источник: Ibid, S. 22—23 ; Weimarer Dreieck: über 30 Jahre grenzüberschreitende Zusammenarbeit zwischen Deutschland, Frankreich und Polen. 05.02.2024, *Auswärtiges Amt*, URL: https://www.auswaertiges-amt.de/de/aussenpolitik/europa/zusammenarbeit-staaten/weimarer-dreieck-node (дата обращения: 07.02.2025) ; Trilaterales Treffen der EU-Ausschüsse im Format „Weimarer Dreieck“. 25.11.2024, *Bundestag*, URL: https://www.bundestag.de/ausschuesse/a21_eu/texte/20241124-weimarer-dreieck-1031168 (дата обращения: 07.02.2025) ; Schäuble: Überwindung der Teilung Europas nicht gefährden. 13.05.2019, *Bundestag*, URL: https://www.bundestag.de/dokumente/textarchiv/2019/kw20-weimarer-dreieck-642244 (дата обращения: 07.02.2025).

Перерыву предшествовало весьма активное использование «Веймарского треугольника» для поддержки на Украине оппозиции в ходе ее протестов в Киеве (с конца ноября 2013 г.), выработки соглашения с президентом В. Ф. Януковичем 21 февраля 2014 г. и, в нарушение договоренностей, силового захвата власти 22 февраля 2014 г. Гарантами документа 21 февраля выступили министры иностранных дел ФРГ Ф.-В. Штайнмайер и РП Р. Сикорский, от Франции — руководитель департа-

[1] Die wechselseitigen Beziehungen Deutschlands, Frankreichs und Polens seit Wegfall des „Eisernen Vorhangs“ unter besonderer Berücksichtigung der Initiative „Weimarer Dreieck“. *Deutscher Bundestag, Wissenschaftliche Dienste*, WD 2-3000-075/16. 17.05.2016, S. 22.

[2] Joint statement by the Ministers for Foreign Affairs of the Weimar Triangle (France, Germany and Poland) — Jean-Yves Le Drian, Heiko Maas and Zbigniew Rau. 15.11.2020, *Auswärtiges Amt*, URL: https://www.auswaertiges-amt.de/de/newsroom/weimarer-dreieck-2405714 (дата обращения: 07.02.2025).

мента внешнеполитического ведомства[1]. Сам факт срыва договоренностей уже на следующий день не вызвал какой-либо заметной обеспокоенности у триумвирата государств-гарантов.

В марте 2014 г. они продолжили использовать формат для поддержки новых властей в Украине, осудив установление суверенитета России над Крымским полуостровом[2]. Тем самым «Веймарский треугольник» стал значимым выразителем позиции стран — участниц ЕС, самого объединения на важнейшем для «западных демократий» направлении. Такое применение формата в полной мере отвечало установкам ФРГ, ее целям в диалоге с РП.

Однако на фоне возникновения вооруженного конфликта на востоке Украины позиции официальных Берлина и Варшавы стали заметно различаться. Консенсус сохранялся по долгосрочным приоритетам — обеспечивать сближение Украины с Евро-Атлантическим сообществом, максимально распространять его влияние на постсоветском пространстве. Разница проявилась в стратегиях (отчасти) и тактиках достижения этого.

В ситуации, когда новые власти Украины не смогли силовыми способами подавить сопротивление в ДНР и ЛНР, германо-французский тандем решил пойти на демонстративно вынужденное взаимодействие с РФ [31]. Как показала практика, а затем интервью А. Меркель уже после ее отставки[3], речь со стороны официальных Берлина и Парижа в принципе не шла о стремлении урегулировать, то есть в основе невоенными способами полностью устранить первопричины конфликта. Вместо этого имело место регулирование — поддержание насилия на определенном, отнюдь не нулевом, уровне, что не могло продолжаться долго. Официальному Киеву была дана возможность подготовить силовое разрешение конфликта. Однако такая стратегия требовала заметной гибкости в отношениях с РФ как с системным оппонентом, что не встретило поддержки со стороны властей в Варшаве.

По этой причине Германия и Франция без третьей стороны «Веймарского треугольника» 6 июня 2014 г. учредили «Нормандскую четверку» (с участием России и новых властей Украины). В дальнейшем две западноевропейские державы отказались удовлетворять просьбы Польши ввести ее в переговорный формат[4]. Крайне жесткая антироссийская позиция РП неизбежно резко затруднила и без того сложно идущую работу в «Нормандской четверке». Если данную площадку ФРГ использовала для вынужденного взаимодействия с РФ, то «Веймарский треугольник» — для ужесточения на нее давления по линии ЕС. Такая схема по применению площадок укрепляла положение Германии как старшего в диалоге с Польшей. Для нее это несло ощутимые издержки: из-за неучастия в «Нормандском четверке» РП оказалась частично отстранена от определения стратегической линии Запада по Украине. Наиболее отчетливо это проявилось при подписании соглашений «Минск-2» 12 февраля 2015 г., для которого Германия и Франция приняли роль гарантов [31].

Официальная Варшава стала особенно остро реагировать на ситуацию после победы на парламентских выборах в октябре 2015 г. ПиС. Его правительство инициировало перерыв в работе «Веймарского треугольника», рассчитывая оказать

[1] Die wechselseitigen Beziehungen Deutschlands, Frankreichs und Polens... S. 25.

[2] Joint Statement on Ukraine of the Weimar Triangle Foreign Ministers Frank-Walter Steinmeier (Germany), Laurent Fabius (France), and Radoslaw Sikorski (Poland) in Weimar. 31.03.2014, *Auswärtiges Amt*, URL: https://www.auswaertiges-amt.de/en/newsroom/news/140331-gemeinsame-erklaerung-zur-ukraine-261272 (дата обращения: 07.02.2025).

[3] Angela Merkel: Hatten Sie gedacht, ich komme mit Pferdeschwanz? 07.12.2022, *Die Zeit*, URL: https://www.zeit.de/2022/51/angela-merkel-russland-fluechtlingskrise-bundeskanzler (дата обращения: 07.02.2025).

[4] Die wechselseitigen Beziehungen Deutschlands, Frankreichs und Polens... S. 25—26.

давление на ФРГ. В условиях кризиса массовой неконтролируемой миграции в ЕС в 2015—2017 гг. власти Польши жестко критиковали А. Меркель за приверженность принципу «открытых дверей», использовали для этого возможности «Вишеградской четверки» (*V4*, Венгрия, Словакия, Польша, Чехия) [10; 11]. Попыткам ФРГ сблизиться с группой «*V4*» в конце 2010-х гг. противодействовали официальные Варшава и Будапешт. В данной ситуации Берлин сумел добиться подъема отношений с Чехией и Словакией.

Продемонстрировать возможность быть старшим в диалоге правительство ПиС постаралось в ходе 15-х межправительственных консультаций. Они прошли в Варшаве 2 ноября 2018 г., будучи приурочены к 100-летию воссоздания Польши как независимого государства на части подконтрольных Второму рейху территорий. В ходе переговоров (2018) делегация РП, включавшая не только государственных чиновников, но и функционеров ПиС, стала поднимать вопрос о репарациях от Германии за злодеяния Второй мировой войны, что встретило неприятие у ФРГ [3, с. 63; 5]. Результатом стало прерывание межправительственных консультаций.

В первой половине 2020-х гг. работа обоих форматов была поэтапно возобновлена. В октябре 2020 г. был перезапущен «Веймарский треугольник» на уровне министров иностранных дел, в феврале 2022 г. — на уровне глав государств и правительств. В июне 2024 г. состоялись новые межправительственные консультации ФРГ и РП (табл. 1). Сначала восстановила работу трехсторонняя площадка, затем — двусторонняя. Отрезок между каждой парой событий составлял 1,5—2 года, то есть это был плавный процесс, когда стороны тщательно прогнозировали, а затем анализировали последствия каждого этапа.

Чем обусловлено возобновление работы форматов? Фактор смены состава правительств, особенно в РП, не может быть признан значимой причиной. «Веймарский треугольник» на высоком и высшем уровнях вновь собрался задолго до парламентских выборов в Польше (сентябрь 2023 г.), по итогам которых был сформирован (с 13 декабря 2023 г.) коалиционный кабинет Д. Туска, представителя «Гражданской платформы». Подготовка к новым, 16-м, межправительственным консультациям стартовала также до смены правительства. После этого влияние ПиС на внешнюю политику — опосредованное (как крупнейшей фракции в Сейме) и прямое (через президента А. Дуду) — оставалось значительным.

Существенен фактор признания победителем на выборах президента США 3 ноября 2020 г. Дж. Байдена от Демократической партии, хотя это произошло чуть позже, чем перезапуск «Веймарского треугольника» на уровне глав МИД. Официальная Варшава расценивала как важнейшего союзника США (отчасти Великобританию), отводя Германии непервоочередное значение. Практика 2000—2010-х гг. показала, что сотрудничество РП с США наиболее динамично развивалось при республиканских администрациях. Наиболее иллюстративной является продвинутая двусторонняя кооперация в президентство Д. Трампа (2017—2021). В ее основе лежала в том числе ценностная близость: как и 45-й президент США, ПиС относилась к правоконсервативным силам, демонстрировала сдержанность по отношению к либеральным ценностям, особенно на уровнях человека, семьи, общества [4, с. 20—21; 17]. Одно из направлений сотрудничества — попытки координировать давление на ФРГ, особенно с целью побудить ее резко нарастить военные расходы [11]. Однако официальный Берлин в конце 2010-х гг. демонстрировал способность противодействовать давлению со стороны РП и США и небезуспешно разводил это противодействие каждому из них хронологически и функционально. ФРГ увеличивала ассигнования на оборону, но делала это со скоростью, которая была удобна самому Берлину, а не которую пытались навязать Белый дом и Варшава. Германская дипломатия приложила усилия, чтобы Польша не выработала сепаратной от остальных

стран — участниц ЕС «сделки» с Великобританией по Брекзиту [32]. Как результат его условия оказались более выгодны Европейскому союзу, чем Лондону, а урон от процесса оказался меньше ожидавшегося. Фактор администрации Дж. Байдена (2021—2025) оказал в целом благоприятное влияние на отношения ФРГ и РП. США при 46-м президенте продолжали активно стимулировать континентальных европейских партнеров заметно наращивать нагрузку по «сдерживанию» РФ, но делали это не путем жесткого давления, а в аккуратно выверенных формах [28; 29]. Эта тенденция и плавно, но неуклонно возраставшая готовность ФРГ увеличивать вклад в конфронтацию с РФ и ужесточать подход к ней создавали предпосылки для преодоления спада в германо-польском диалоге.

Большое значение имели масштабные изменения в западной части постсоветского пространства, а именно риск приостановки здесь роста влияния Евро-Атлантического сообщества. Официальная Варшава заметно наращивала ВС, но этого было недостаточно, чтобы пресечь неудачи в реализации целей в отношении Беларуси и Украины. РП стала заметно острее нуждаться в поддержке партнеров, в том числе ФРГ. Этот интерес примерно по одинаковым причинам был взаимным, хотя и меньшим со стороны Германии.

Значимым для возобновления работы форматов было и общее укрепление влияния ФРГ в передовой части зоны ответственности НАТО, причем Германия сумела добиться этого без особой поддержки от РП. Наиболее заметных успехов Берлин достиг в отношениях с Вильнюсом и в целом со странами Балтии. В отличие от форматов с участием Польши механизм «*B3+1*» (три балтийских республики + 59 ФРГ), запущенный в 1994 г., продолжал во второй половине 2010-х гг. функционировать с ежегодной частотностью. В Литве с 2017 г. были развернуты подразделения бундесвера, которые составили основу многонациональной батальонной тактической группы (БТГ) сил передового развертывания (СПР) НАТО. Официальный Берлин умело использовал данный факт, начав с 2018 г. проводить встречи «*B3+1*» на уровне глав государств и правительств (без определения частотности) в дополнение к ежегодным консультациям в формате на уровне глав МИД [33, p. 70—75]. Заметное укрепление германского влияния в Литве для Польши было особенно ощутимо, учитывая исторический опыт ее старшинства в диалоге с этим соседом. Возраставшее влияние Польского королевства на Великое княжество Литовское с конца XIV в. переросло в их полноценный межгосударственный союз в виде Речи Посполитой («княжество» + «корона» при преобладании второй) в 1569—1795 гг. В 1920—1939 гг. вновь возникшая как государство Польша заняла обширный массив литовских земель, включая Вильнюс. Поэтому предоставление Германией практических гарантий Литве в сфере безопасности и обороны по линии НАТО оказало заметное воздействие на РП в деле ее готовности перезапустить работу форматов с ФРГ.

Избранная Польшей во второй половине 2010-х гг. тактика приостановки работы «Веймарского треугольника» и межправительственных консультаций не принесла ожидаемых результатов в плане давления на Германию. Этому способствовало и проведение двусторонних переговоров на высшем и высоком уровне вне форматов, то есть наиболее распространенной формы межгосударственного диалога. Данные контакты обычно были ежегодными, и по широте повестки и значению они часто заметно уступали встречам на полях рассматриваемых площадок. ФРГ укрепляла позиции в Евро-Атлантическом сообществе и — главное — в «домашнем» для Польши регионе вопреки спаду диалога с РП, не будучи готовой идти последней на уступки.

Встреча в формате «Веймарского треугольника» на уровне глав МИД в октябре 2020 г. состоялась на фоне провала в Беларуси прозападной оппозиции в ее попытках захватить власть после президентских выборов в стране 9 августа 2020 г.

Переговоры «Веймарского треугольника» с участием глав государств и правительств прошли 8 февраля 2022 г. в преддверии начала СВО. Местом консультаций стал Берлин, что вместе с самим фактом их возобновления отражало укрепление позиций ФРГ в отношении РП. К этому времени формат «Нормандской четверки» перестал работать, а вероятность реализации Второго минского соглашения стала близка к нулевой. Данные положения канцлер О. Шольц фактически признал в ходе визита в Россию 15 февраля 2022 г.[1]. Таким образом, исчезали основные «раздражители» в германо-польских отношениях. Еще более важно другое: руководство ФРГ было готово резко ужесточить подход к «сдерживанию» РФ, в том числе в военном отношении. Сигналы об этом были переданы властям РП на переговорах «Веймарского треугольника» 8 февраля 2024 г. В течение всего трех суток после начала СВО официальный Берлин начал поставки вооружений Украине, декларировал создание спецфонда для нужд бундесвера в 100 млрд евро[2]. Быстрота и масштаб принимаемых решений ФРГ указывали на то, что они были спланированы заранее. Уже 28 апреля 2022 г. Бундестаг де-юре снял запрет на предоставление вооружения и военной техники Украине, узаконив практику поставок в возраставших объемах[3] с расширением линейки, повышением ударной мощи и дальнобойности передаваемых образцов. В июне 2022 г. ФРГ в опережение всех остальных государств — членов НАТО инициировала трансформацию многонациональной БТГ СПР, которую возглавлял бундесвер, в бригаду[4].

Резкий рост военной вовлеченности Германии в конфронтацию с РФ, особенно под эгидой Альянса, для Польши имел выгоды и одновременно создавал неудобства. Планы ФРГ заметно увеличить военный потенциал и активнее использовать его в Восточной Европе не только укрепляли безопасность и оборону РП, но и вновь усиливали конкуренцию. Ее значимое проявление — стремление Польши обогнать Германию не только по скорости увеличения ВС, но и по мощи сухопутных войск. При этом в 2022—2023 гг. стало наблюдаться определенное разделение военно-практической ответственности. ФРГ, традиционно «растворяя» свои военные усилия в многосторонних, претендовала на роль ведущего комплектатора и руководителя (так называемого рамочного государства) широкой линейки многосторонних группировок НАТО. В первую очередь бундесвер использовался в составе тех объединений, которые должны были в кризисной ситуации выдвинуться из глубины зоны ответственности Альянса в ее передовую часть. Это силы быстрого реагирования, сменившие их с 1 июля 2024 г. силы союзнического реагирования. Контингенты в составе СПР, особенно формируемую (к 2027 г.) бригаду в Литве, официальный Берлин рассматривал как усиленные авангарды[5]. Официальная Варшава стремилась большинство формирований своих ВС оставить под нацио-

[1] Пресс-конференция по итогам российско-германских переговоров. 15.02.2022, *Администрация президента РФ*, URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/67774 (дата обращения: 07.02.2025).

[2] Regierungserklärung von Bundeskanzler Olaf Scholz. 27.02.2022, *Bundeskanzleramt*, URL: https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/regierungserklaerung-von-bundeskanzler-olaf-scholz-am-27-februar-2022-2008356 (дата обращения: 07.02.2025).

[3] Namentliche Abstimmung. Frieden und Freiheit in Europa verteidigen — Umfassende Unterstützung für die Ukraine. Plenarprotokoll 20/31. 28.04.2022, *Deutscher Bundestag, 20. Wahlperiode. Stenografischer Bericht 31. Sitzung*, S. 2743A—2745D.

[4] „Russland darf und wird diesen Krieg nicht gewinnen“. 07.06.2022, *Bundeskanzleramt*, URL: https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/bundeskanzler-in-litauen-2047754 (дата обращения: 07.02.2025).

[5] Bundeswehr in Litauen: In großen Schritten zur deutschen Kampfbrigade. 2025, *BMVg*, URL: https://www.bundeswehr.de/de/aktuelles/meldungen/bundeswehr-litauen-grosse-schritte-deutsche-kampfbrigade (дата обращения: 07.02.2025).

нальным командованием, ограниченно участвовала в комплектовании многонациональных группировок, но проявляла заметный интерес к их использованию в Восточной Европе.

До начала 2020-х гг. к «раздражителям» для РП относилась готовность ФРГ согласиться лишь на ротационное развертывание СПР. С 2022—2023 гг. Берлин изменил подход, прежде всего при использовании бундесвера: создаваемая в Литве бригада (45-я танковая) должна не только почти целиком состоять из германских подразделений, но и размещаться на постоянной основе[1].

Встреча в формате «Веймарского треугольника» на высшем уровне 8 февраля 2022 г. стала одной из многих причин того, что Польша вошла в число ведущих «западных демократий» по обсуждению ситуации на Украине в феврале — апреле 2022 г. Однако неформальная группа не была институциализирована[2], а с мая 2022 г. встречи прекратились. Вместо этого возник формат «Рамштайн» с участием всех стран НАТО и ЕС [34, p. 8, 32—35]. Польша достигла лишь кратковременного успеха, но заметно не продвинулась в намерении войти в круг «западных держав». Напротив, ФРГ укрепила положение в нем, продолжая проявлять неуступчивость по важнейшим спорным с РП вопросам: Берлин недвусмысленно давал понять, что считал навсегда закрытым вопрос о репарациях. Германия укрепляла заметное влияние в странах Балтии: 6 мая 2024 г. прошли очередные переговоры в формате «*B3+1*» на уровне глав государств и правительств[3]. Перечисленные тенденции задавали изменившиеся рамочные условия для межгосударственного диалога с РП.

Новые переговоры глав государств и правительств «Веймарского треугольника» состоялись 12 июня 2023 г. в Париже и 15 марта 2024 г. в Берлине. Ежегодная частотность встреч, их проведение в 2022 и 2024 гг. в ФРГ отражали тенденцию укрепления ее позиций в диалоге с РП. Содержательно фокус на переговорах, особенно 2024 г., был сосредоточен на координации военной помощи Украине (поставки вооружений и военной техники, обучение ее личного состава)[4] в условиях развернувшегося наступления ВС РФ на укрепрайоны ВСУ в западной части ДНР. ФРГ вновь, как и в 2014—2015 гг., использовала «Веймарский треугольник» как выразитель интересов ЕС в западной части постсоветского пространства.

Второго июля 2024 г. состоялись 16-е межправительственные консультации. Как и предыдущие (15-е в 2018 г.), они прошли в Варшаве, что фактически было нарушением правил протокола (поочередный прием мероприятия каждой из двух сторон). Однако эта особенность была выгодна не столько РП, сколько ФРГ: прервав на длительное время консультации, Польша подчеркнуто согласилась на их возобновление, не сумев добиться старшинства в диалоге. На 16-х межправитель-

---

[1] Ibid.

[2] Pressekonferenz von Bundeskanzler Scholz zur Telefonschaltkonferenz am 19. April 2022. 19.04.2022, *Bundeskanzleramt*, URL: https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressekonferenz-von-bundeskanzler-scholz-zur-telefonschaltkonferenz-am-19-april-2022-2026400 (дата обращения: 07.02.2025).

[3] Pressekonferenz von Bundeskanzler Scholz, Ministerpräsidentin Siliņa, Ministerpräsidentin Kallas und Ministerpräsidentin Šimonytė am 6. Mai 2024 in Riga. 06.05.2024, *Bundeskanzleramt*, URL: https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressekonferenz-von-bundeskanzler-scholz-ministerpraesidentin-siliņa-ministerpraesidentin-kallas-und-ministerpraesidentin-šimonytė-am-6-mai-2024-2277440 (дата обращения: 07.02.2025).

[4] Pressestatements von Bundeskanzler Scholz, Präsident Macron und Ministerpräsident Tusk beim Treffen der Staats- und Regierungschefs im Format des Weimarer Dreiecks am 15. März 2024 in Berlin. 15.03.2024, *Bundeskanzleramt*, URL: https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressestatements-von-bundeskanzler-scholz-praesident-macron-und-ministerpraesident-tusk-beim-treffen-der-staats-und-regierungschefs-im-format-des-weimarer-dreiecks-am-15-maerz-2024-2265726 (дата обращения: 07.02.2025).

ственных консультациях стороны многократно отмечали высокий уровень доверия, тем косвенно указывая, что спад в отношениях во многом преодолен. Взаимно приветствуя заметный вклад в поддержку ВСУ, стороны согласились в необходимости дальше расширять ЕС как объединение; заметно возросла готовность к сотрудничеству по линии НАТО[1].

Перечисленные положения проявились в самом факте принятия двустороннего плана действий (что выступало новшеством для практики германо-польских консультаций) и в содержании документа. Вопросы безопасности обороны были выделены в отдельный раздел. Стороны обозначили готовность взаимно учитывать интересы и поддерживать при обсуждении преобразований ООН, особенно ее Совета Безопасности[2]. С 1990-х гг. ФРГ предпринимала неудачные попытки войти в число его постоянных членов, но до начала 2020-х гг. Польша занимала де-факто отрицательную позицию по данному вопросу.

ФРГ и РП договорились об углублении кооперации по линии инженерных войск и ВМС (здесь большими возможностями располагала Германия), налаживанию взаимодействия между бригадами территориальной обороны и территориальными командованиями. В этом отношении Польша создала большой задел, в то время как ее сосед лишь начинал воссоздавать сеть данных формирований и штабов, расформированную после Холодной войны. Логично, что в военно-техническом плане фокус был направлен на модернизации имевшихся у Войска Польского танков германского производства «Леопард». При этом, согласно планам РП, на перспективу наиболее распространенными танками в составе ее ВС станут южнокорейские «Черные пантеры» и американские «Абрамсы», а удельный вес «Леопардов» заметно сократится [21, с. 39—98].

Возможности и сложности военного сотрудничества

Из государств — членов НАТО традиционно крупнейшими вооруженными силами располагали США (на 2014 г. — 1338 тыс. военных, на 2022 г. — 1317 тыс.) и Турция (соответственно 427 тыс. и 456 тыс. чел. личного состава)[3]. В условиях конфронтации с РФ большое практическое и имиджевое значение приобрело 3-е место, а именно то государство, которое сможет его занять и удерживать. До 2022 г. эта позиция принадлежала Франции, но ее ВС не увеличивались (уровень в 207—208 тыс. военных с 2014 г.)[4]. На 3-е место претендовали Германия, заявляя об этом с 2022 г., и де-факто Польша.

В конце 2010-х гг. ФРГ несколько опередила РП при опубликовании планов по наращиванию ВС, особенно наземных, которым в планировании и практике НАТО отводилась резко возросшая роль. Каждая из стран планировала удвоить число дивизий (как управлений; с 3 до 6) и заметно увеличить количество бригад, особенно общевойсковых. Но темпы достижения заявленных целей заметно различались. Польша к 2025 г. уже развернула три полные дивизии, активно комплектует четвертую, приступила к созданию пятой, подготавливала развертывание шестой. Все уже существовавшие дивизии (11-я бронетанковая, 12-я механизированная, 16-я меха-

[1] „Gute Nachbarn, enge Partner und verlässliche Freunde“. 02.07.2024, *Bundeskanzleramt*, URL: https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/deutsch-polnische-regierungskonsultationen-2024-2295270 (дата обращения: 07.02.2025).

[2] Deutsch-Polnischer Aktionsplan. 02.07.2024, *Bundeskanzleramt*, URL: https://www.bundesregierung.de/resource/blob/992814/2295276/b5e9e128f9d0909349fd9a57f04cbe69/2024-07-02-deu-pol-aktionsplan-de-data.pdf?download=1 (дата обращения: 07.02.2025).

[3] Defence expenditures of NATO countries (2014—2024). 2024, Brussels, *NATO*, p. 13.

[4] Ibid.

низированная) имели по 3 бригады в составе, а новые (1-я польских легионов и 18-я механизированная) — по 4. С учетом 2 воздушно-десантных РП имела 22 войсковые бригады [35].

Германия к 2025 г. не развернула ни одной бригады и тем более дивизии. Бундесвер продолжает состоять из 1-й и 10-й танковых дивизий (суммарно 5,5 танковых и мотопехотных бригад) и дивизии кризисного реагирования (из общевойсковых сил — по одной бригаде горных стрелков и воздушно-десантной)[1]. Даже с учетом того, что бригада в бундесвере (кроме парашютных) состоит из 5—6 собственно войсковых батальонов, а в Войске Польском — 3—4 таковых, разница все же значительна [35]. Германия разворачивает одну кадровую бригаду в Литве (к 2027 г.), а для формируемой дивизии изучается вопрос частичного укомплектования резервистами.

Если ВС Польши в 2014—2023 гг. выросли на 108 %, то бундесвер к 2022 г. увеличился лишь на 5 % (табл. 2). Как результат 3-е место по численности личного состава ВС среди стран — участниц НАТО к 2024 г. стала занимать РП. В среднесрочной перспективе возможность догнать и тем более перегнать ее у ФРГ невелика. От общей численности ВС государств — членов НАТО без Канады и США на 2022 г. бундесвер составлял 9,6 %, а Войско Польское — 9,3 %. В 2024 г. с учетом предварительных данных это 9 и свыше 10,5 % соответственно (табл. 2). Из общего прироста ВС европейских стран-участниц и Турции в 2014—2024 гг. (216 тыс. военных) более половины (117 тыс. чел. личного состава) приходится на Польшу.

Таблица 2

Динамика численности ВС ФРГ и РП (тыс. военных)

Категория	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023*	2024*
Германия	178,8	177,2	177,9	179,8	181,5	183,8	183,9	183,9	183,2	181,7	185,6
Польша	99,0	98,9	101,6	105,3	109,5	113,1	116,2	166,8	176,0	206,5	216,1
НАТО без США, Канады	1825	1741	1718	1787	1823	1812	1827	1900	1901	1967	2041
НАТО в целом	3229	3125	3090	3163	3210	3213	3243	3317	3285	3320	3418

Источник: Defence expenditures of NATO countries (2014—2024). 2024, Brussels, *NATO*, p. 13.

Примечание: * за 2023 и 2024 гг. данные предварительные.

Одновременно РП ускоренными темпами наращивала военные расходы. Их доля у Польши была около 2 % или превышала их уже в середине 2010 — начале 2020-х гг., а к 2025 г. предварительно будет более 4 %. Здесь Варшава заметно опередила абсолютное большинство партнеров по НАТО, особенно ФРГ: ее показатель в конце 2010-х гг. находился у отметки в 1,5 %, а в 2024 г. впервые должен быть выше 2 % (табл. 3).

Таблица 3

Доля военных расходов от ВВП для Германии и Польши, %

Категория	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023*	2024*
Германия	1,19	1,19	1,20	1,23	1,25	1,35	1,51	1,45	1,51	1,64	2,12
Польша	1,88	2,23	2,00	1,89	2,02	1,99	2,23	2,22	2,23	3,26	4,12

[1] Deutsches Heer. 2025, *BMVg*, URL: https://www.bundeswehr.de/de/organisation/heer (дата обращения: 07.02.2025).

Окончание табл. 3

Категория	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023*	2024*
НАТО без США	1,42	1,43	1,44	1,48	1,51	1,54	1,72	1,66	1,66	1,78	2,02
НАТО в целом	2,58	2,48	2,48	2,39	2,40	2,52	2,69	2,63	2,51	2,53	2,71

Источник: Defence expenditures of NATO countries (2014—2024). 2024, Brussels, *NATO*, p. 9.

Примечание: * за 2023 и 2024 гг. данные предварительные.

Еще одно измерение резкого роста мощи РП с целью войти в круг «западных держав» — увеличение ежегодных ассигнований в абсолютном плане. РП в 2014—2024 гг. нарастила их на 25 млрд евро. Если в начале этого временного отрезка она занимала 10-е место в списке государств — членов Альянса (по убывающей), то к 2025 г. — 5-е. Польша обогнала не только Нидерланды и Испанию, но и Канаду, Италию и Турцию, вплотную подойдя непосредственно к тетрархии «западных держав». Однако увеличение военных трат у ФРГ оказалось не менее впечатляющим, чем у РП: в 2014—2022 гг. ежегодный бюджет возрос на более чем 50 млрд долл., то есть вдвое больше, чем у Польши. В результате официальный Берлин вышел к 2025 г. на второе место (после США) по уровню профильных расходов. Это подчеркнуло заметное преимущество Германии перед Польшей по объемам ресурсным возможностям. Приближение ежегодных ассигнований к 100 млрд долл. задавало рамочные условия для глубокой технико-технологической модернизации бундесвера как качественно, так и количественно, что позволяло реально преодолевать многочисленные трудности на пути повышения его боеспособности.

Таблица 4

Военные расходы ФРГ и РП (млн долл.) и позиция (по нисходящей) в рейтинге государств НАТО

Год	Германия	Польша
2014	46 176 (4-е место)	10 107 (10-е место)
2017	45 470 (4-е место)	9940 (9-е место)
2021	62 054 (3-е место)	15 099 (8-е место)
2022	61 405 (3-е место)	15 338 (8-е место)
2024*	97 686 (2-е место)	34 975 (5-е место)

Источник: Defence expenditures of NATO countries (2014—2024). 2024, Brussels, *NATO*, p. 8.

Примечание: * за 2024 г. данные предварительные.

К середине 2020-х гг. Польша набрала очень высокую скорость в деле наращивания военной мощи. Однако данный процесс порождает и определенные вызовы для самой РП. Во-первых, она стала приближаться к объективным, без условия перехода к мобилизационной модели развития, пределам роста различных параметров ВС. Западногерманский бундесвер на пике возможностей в Холодную войну насчитывал 0,8 % от общей численности населения ФРГ (около 500 тыс. военных при 63 млн населения) [26, с. 193—228]. Представляется, что этот же показатель релевантен и для современной РП: при численности ее населения в 38 млн чел. 0,8 % — это примерно 300 тыс. военных, то есть именно тот показатель, который

является ориентиром для официальной Варшавы. Вопрос состоит в том, что она будет делать, когда достигнет данного уровня, объективно не обладая способностью увеличивать дальше его, в то время как другие страны — участницы НАТО (прежде всего ФРГ) могут пусть и медленно, но приближаться к нему. Не исключено, что официальная Варшава будет настаивать на дополнении своих крупных конвенциональных сил не только увеличением военного присутствия США, но и размещением их ядерного оружия с предоставлением РП опосредованного доступа (по аналогии с Западной Германией в Холодную войну), что крайне опасно.

Во-вторых, уже в середине 2020-х гг. аналогичная проблема возникает перед РП и в случае военных расходов, так как их уровень в 4% от ВВП и тем более еще выше окажет заметное деформирующее влияние на экономику. Инерционность «военной машины» ФРГ имеет не только недостатки, но и выгоды, позволяя намного оптимальнее использовать заметно более объемную ресурсную базу.

Преимущество в рационализме и получаемых политических, имиджевых дивидендах ФРГ демонстрирует и в вопросах использования ВС, в том числе в передовой части зоны ответственности НАТО. Это тем примечательнее, учитывая, что официальная Варшава избегала появления наземных контингентов бундесвера на польской территории. Здесь по просьбе РП войска США, а также Великобритании составляли основу присутствия СПР блока и сил в ходе крупнейших учений. Так, на маневрах *Anakonda 16* (июнь 2016 г., всего задействована 31 тыс. военных) вклад бундесвера был ограничен лишь одним саперным батальоном (0,4 тыс. чел.)[1].

Германия небезуспешно обходила это препятствие посредством следующих тактик. Во-первых, в феврале 2015 г. штаб трехстороннего (Дания, Германия, Польша) корпуса «Северо-Восток» стал управлением одноименного уже многонационального соединения НАТО[2]. Данное управление руководило группировкой СПР Альянса в Польше и Литве. Как результат штабной персонал бундесвера не только разместился в РП, но и стал играть заметную роль в командовании дислоцированными здесь войсками под флагом блока.

Во-вторых, ФРГ выстраивала диверсифицированную систему наземного присутствия в Восточной Европе в обход Польши. Севернее ее это увеличиваемый до бригады (к 2027 г.) контингент бундесвера в Литве, который организационно составлял единое целое с частями СПР НАТО в самой Польше (формирования в подчинении штабов дивизии «Северо-Восток» и одноименного корпуса). Южнее РП бундесвер в 2022—2024 гг. участвовал в комплектовании БТГ СПР НАТО в Словакии, причем в первые месяцы существования данного формирования (весна — лето 2022 г.) в ее составе самым крупным контингентом был германский[3]. Как минимум с 2024 г. в практической плоскости прорабатывается вопрос о появлении сухопутных подразделений бундесвера в Румынии.

В-третьих, к середине 2020-х гг. Германия развернула элементы присутствия в Польше по линии ВВС и ПВО, опираясь на запросы официальной Варшавы. Сделанный ею упор на наращивание сухопутных войск и заметно менее динамичное развитие других родов войск потребовал в соответствующих сегментах привлечения помощи от партнеров по НАТО, в том числе соседней Германии. В мае 2021 г. было подписано двустороннее межгосударственное соглашение, которое

[1] Anakonda 16. 2016, *DVIDS*, URL: https://www.dvidshub.net/feature/Anakonda16 (дата обращения: 07.02.2025).

[2] Trilateral Statement on HQ Multinational Corps Northeast at NATO Defence Ministers Meeting. 05.02.2015, *NATO*, p. 1—2.

[3] Ende des operativen Auftrages in der Slowakei. 31.05.2024, *BMVg*, URL: https://www.bundeswehr.de/de/einsaetze-bundeswehr/eva-uebergabe-slowakei-rueckbau-5788720 (дата обращения: 07.02.2025).

санкционировало полеты истребителей ФРГ в воздушном пространстве Польши с целью его патрулирования[1]. Эта деятельность была заметно интенсифицирована с марта 2022 г. по просьбе РП. В январе 2025 г. в ее прилежащие к границе с Украиной районы бундесвер направил два комплекса *Patriot* с личным составом[2]. Тем самым ФРГ стала вносить вклад в безопасность и оборону РП в двух значимых технико-технологических сложных сегментах, что укрепляло позиции Берлина как старшего в диалоге.

Данное преимущество проявлялось в разнице объемов и наполнения поставок вооружений и военной техники каждой из сторон для Украины. В 2022—2023 гг. военная помощь от РП составила около 3,5 млрд долл.[3], от ФРГ — 6,6 млрд евро, то есть разница была почти в 2 раза. В 2024 г. Германия выделила еще 7,1 млрд евро[4], сохранив 2-ю позицию (после США) по объему направленных вооружений и военной техники. Имея заметно меньшие ресурсы, Польша направляла бо́льшую их удельную часть для поддержки ВСУ. Особенно отчетливо это видно на примере наземной техники, особенно танков: к 2025 г. ФРГ передала Украине 14 *Leopard 2A6*, 88 *Leopard 1A5*[5], то есть суммарно 102 машины. В свою очередь, РП направила 270 Т-72, 40 PT-91 (модернизированных Т-72), 14 *Leopard 2A4*, то есть 324 танка[6]. При этом по другим, неназемным категориям (прежде всего системам ПВО) Германия существенно опережала соседа. Такую же нацеленность имела линия Польши в деле подготовки кадров для ВСУ. В конце 2022 г. под эгидой ЕС была развернута военно-тренировочная миссия *EUMAM UA*, ведущую роль в деятельности которой приняли на себя сразу два государства: ФРГ и РП[7], а крупнейшие центры разместились соответственно в восточной и западной частях этих стран.

Заключение

Во второй половине 2010-х гг. с целью укрепить свое положение в отношении Германии Польша избрала тактику активного нажима (прерывание работы «Веймарского треугольника», формата межправительственных консультаций, скоординированное с США давление, постановка вопроса о репарациях, фактор ускоренного роста численности ВС, военных расходов). В свою очередь, Германия реализовывала линию на активную оборону, в первой половине 2020-х гг. укрепив свое старшинство в диалоге.

---

[1] Deutsch-Polnische Zusammenarbeit im Luftraum gefestigt. 18.05.2021, *BMVg*, URL: https://www.bundeswehr.de/de/organisation/luftwaffe/aktuelles/deutsch-polnische-zusammenarbeit-im-luftraum-gefestigt-5083332 (дата обращения: 07.02.2025).

[2] Einsatzbereit: Bundeswehr unterstützt NATO — Luftverteidigung in Polen. 07.02.2025, *BMVg*, URL: https://www.bundeswehr.de/de/einsaetze-bundeswehr/unterstuetzung-nato-luftverteidigung-polen-5888214 (дата обращения: 07.02.2025).

[3] Премьер Украины сообщил о $3,5 млрд полученной от Польши помощи с 2022 года. 22.01.2024, *Известия*, URL: https://iz.ru/1638185/2024-01-22/premer-ukrainy-soobshchil-o-35-mlrd-poluchennoi-ot-polshi-pomoshchi-s-2022-goda (дата обращения: 07.02.2025).

[4] Diese Waffen und militärische Ausrüstung liefert Deutschland an die Ukraine. 2025, *Bundeskanzleramt*, URL: https://www.bundesregierung.de/breg-de/aktuelles/lieferungen-ukraine-2054514 (дата обращения: 07.02.2025).

[5] Ibid.

[6] Number of disclosed main battle tanks committed to Ukraine as of January 2024, by type and donor country. 2024, *Statista*, URL: https://www.statista.com/statistics/1364974/ukraine-military-aid-tanks/ (дата обращения: 07.02.2025).

[7] Germany (дата обращения: 07.02.2025). EUMAM UA. 2025, *BMVg*, URL: https://www.bundeswehr.de/en/organization/further-fmod-departments/bundeswehr-homeland-defence-command/germany-eumam-ua (дата обращения: 07.02.2025).

Географически официальный Берлин в основном ограничивал спектр переговорных сюжетов с Варшавой зоной Балтийского моря, Восточной Европой, западной частью постсоветского пространства. Тем самым демонстрировалась разница между ФРГ, которая пыталась стать глобальной державой, и РП — как региональной, без присоединения ее к тетрархии ведущих государств НАТО. В целом в их отношениях кооперация тесно переплеталась с многочисленными элементами конкуренции.

Польша в развитии и использовании своих ВС прежде всего сосредоточилась на количественных аспектах, а Германия — на качественных, компенсируя преимущество Войска Польского в численности развертыванием системы присутствия в Восточной Европе, в том числе наземного к северу и югу от РП. При этом стороны небезуспешно ищут схему разделения компетенций (ФРГ — «рамочное государство» широкой линейки многосторонних группировок НАТО, в том числе СПР; Польша — мощные силы на собственной территории). Особенно заметно практическое сотрудничество ВС в «Сувалкском коридоре», в котором участвуют 45-я танковая бригада бундесвера в Литве, части от 16-й и 18-й механизированных дивизий Войска Польского. Эта тесная кооперация нацелена одновременно против Калининградской области и Республики Беларусь. Это значимый, но лишь частный пример угроз для РФ и Беларуси, которые порождают ускоренный рост ВС Польши и укрупнение военного присутствия Германии в Восточной Европе.

Фактор второго президентства Д. Трампа (с 2025 г.) окажет по сравнению с первым меньшее негативное влияние на готовность РП к сотрудничеству с ФРГ как минимум по причине взаимного повышенного интереса Варшавы и Берлина к недопущению ослабления позиций на Украине. В случае если в перспективе Украина вступит в ЕС, это принесет Германия не меньшие выгоды, чем Польше. Среди прочего в пользу Украины будет частично уменьшено лидирующее положение в «новой Европе» Польши, что объективно укрепит позиции в диалоге с ней у Германии.

Список литературы

1. *Вторая мировая война. Итоги и уроки*, 1985, М., Воениздат, 448 с.

2. Рубинский, Ю. И. 2017, Германо-польские отношения и «Веймарский треугольник», *Современная Европа*, № 1, с. 123—126. EDN: YIZTUN, https://doi.org/10.15211/soveurope120173844

3. Трунов, Ф. О. 2024, Теория и практика функционирования форматов межправительственных консультаций: кейс ФРГ, *Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика*, т. 19, № 2, с. 56—69. EDN: NWTZBD, https://doi.org/10.17323/1996-7845-2024-02-03

4. Balcer, A., Blusz, K., Schmieg, E. 2017, *Germany, Poland and the future of transatlantic community*, Warsaw, Wise Europe, 36 p., URL: https://wise-europa.eu/wp-content/uploads/2017/12/GermanyPoland_and_the_future_of_transatlantic_community1.pdf (дата обращения: 07.02.2025).

5. Белов, В. Б. 2018, Европейский вектор внешней политики коалиционного правительства ФРГ, *Современная Европа*, № 4, с. 46—56. EDN: YORUOD, https://doi.org/10.15211/soveurope420184656

6. Неменский, О. Б. 2024, Историческая политика партии «Право и справедливость» в 2015—2019 гг., *Проблемы национальной стратегии*, № 1, с. 180—205. EDN: ZDHUZS, https://doi.org/10.52311/2079-3359_2024_1_180

7. Трунов, Ф. О. 2023, Фактор выборов в межгосударственных отношениях: политический диалог Германия — Польша (2013—2022), *Актуальные проблемы Европы*, № 2, с. 109—137. EDN: PDFGFN, https://doi.org/10.31249/ape/2023.02.06

8. Пронько, В. А. 2000, Военная стратегия после Второй мировой войны, в: Золотарев, В. А. (ред.), *История военной стратегии России*, М., Кучково поле; Полиграфресурсы, с. 377—496, URL: http://militera.lib.ru/science/history_russian_strategy/index.html (дата обращения: 07.02.2025).

9. Белинский, А. В. 2024, Соседи, партнеры, конкуренты: Западная и Центрально-Восточная Европа на переломе эпох, *Актуальные проблемы Европы*, № 2, с. 22—39. EDN: MQFGER, https://doi.org/10.31249/ape/2024.02.02

10. Трунов, Ф. О. 2019, Германо-польские отношения на современном этапе: Политико-военное измерение, *Актуальные проблемы Европы*, № 3, с. 169—190. EDN: JKBWSP, https://doi.org/10.31249/ape/2019.03.08

11. Lang, K.-O. 2018, Deutschland und Polen: Kooperation trotz Differenzen, *SWP-Aktuell*, № 12, 8 p., URL: https://www.swp-berlin.org/publikation/deutschland-und-polen-kooperation-trotz-differenzen (дата обращения: 07.02.2025).

12. Трунов, Ф. О. 2024, Особенности функционирования форматов межправительственных консультаций с участием ФРГ, *Современная Европа*, № 2, с. 45—56. EDN: USYAHI, https://doi.org/10.31857/S0201708324020049

13. Трунов, Ф. О. 2022, Эволюция сил передового развертывания НАТО к середине 2022 г., *Россия и современный мир*, № 4, с. 100—122. EDN: TYNRGV, https://doi.org/%2010.31249/rsm/2022.04.06

14. Клемешев, А. П., Ворожеина, Я. А. 2018, Национал-консервативный «поворот» Польши в геополитическом контексте, *Полис. Политические исследования*, № 5, с. 17—28. EDN: YAEHWX, https://doi.org/10.17976/jpps/2018.05.03

15. Дырина, А. Ф. 2023, В Польше выбирают «Право и справедливость»: успех партии на выборах в 2015 и 2020 годах, *Актуальные проблемы Европы*, т. 15, № 2, с. 91—108. EDN: ARGISY, https://doi.org/10.31249/ape/2023.02.05

16. Дырина, А. Ф. 2023, Польша накануне парламентских выборов 2023 г.: польские правые готовятся к третьему сроку. *Актуальные проблемы Европы*, № 4, с. 313—330. EDN: MWISME, https://doi.org/10.31249/ape/2023.04.15

17. Lang, K.-O. 2023, *Die Welt der PiS*, Berlin, Stiftung Wissenschaft und Politik, S. 12, 39 p., https://doi.org/10.18449/2023S12

18. Дырина, А. Ф. 2023, Результаты парламентских выборов в Польше (2023): новое правительство во главе с Д. Туском, *Актуальные проблемы Европы*, № 2, с. 107—122. EDN: QPBYKT, https://doi.org/10.31249/ape/2024.02.06

19. Клемешев, А. П., Ворожеина, Я. А. 2022, Калининградская область в условиях изменения геополитической ситуации в Европе, *Проблемы национальной стратегии*, № 4, с. 243—255. EDN: LKQOBV, https://doi.org/10.52311/2079-3359_2022_4_243

20. Зверев, Ю. М. 2023, Три российских региона на Балтике в условиях противостояния России и Запада, *Балтийский регион*, № 4, с. 24—41. EDN: HOTSGX, https://doi.org/10.5922/2079-8555-2023-4-2

21. Зверев, Ю. М., Межевич, Н. М. 2024, *Милитаризация Польши и возможные ответы союзного государства в рамках теории региональных комплексов безопасности*, Калининград, Балтийский федеральной университет, 126 с. EDN: EXWGVH

22. Зверев, Ю. М., Межевич, Н. М. 2022, Республика Беларусь и Калининградская область России как субрегиональный комплекс безопасности, *Балтийский регион*, т. 14, № 3, с. 64—82. EDN: SQTQZW, https://doi.org/10.5922/2079-8555-2022-3-4

23. Овчарук, А. П. 2024, Политика Польши в украинском кризисе и ее последствия для России, *Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир*, № 1, с. 110—124. EDN: IGKWQM

24. Русакова, М. Ю. 2021, Польша и новые тенденции в центральноевропейском региональном строительстве, *Современная Европа*, № 1, с. 52—61. EDN: WQIUWK, https://doi.org/10.15211/soveurope120215261

25. Биткова, Т. Г., Дырина, А. Ф. 2024, Место Центральной и Восточной Европы в противостоянии США и КНР: примеры Польши и Румынии, *Актуальные проблемы Европы*, № 4, с. 260—277. EDN: XKCZGJ, https://doi.org/10.31249/ape/2024.04.14

26. Трунов, Ф. О. 2022, *Германская модель военных реформ*. М., ИНИОН РАН, 360 с. EDN: VMURYW

27. Fleckenstein, B. 1990, Fremde Truppen im Vereinigten Deutschland — Gegenwärtige Situation und künftige Aussichten, *SOWI-Arbeitspapier*, № 44, 12 p.

28. Трунов, Ф. О. 2024, Распределение вклада между «западными демократиями» в сдерживание России и КНР, *Международные процессы*, т. 22, № 1, с. 80—105. EDN: DHGNAW, https://doi.org/10.46272/IT.2024.22.1.76.4

29. Трунов, Ф.О. 2024, Эволюция военного присутствия США в Европе (2017—2023 годы), *США и Канада: экономика, политика, культура*, № 10, с. 64—80. EDN: YVVRCA, https://doi.org/10.31857/S2686673024100058

30. Major, C., Swistek, G. 2022, Die NATO nach dem Gipfel von Madrid, *SWP-Aktuell*, № 48, A 49, 8 p., https://doi.org/10.18449/2022A49

31. Menon, R., Rumer, E. 2015, *Conflict in Ukraine. The Unwinding of the Post-Cold War Order*, Boston, Boston Review Book, 220 p.

32. Ondarza von, N. 2019, Der No-Deal Brexit, *Forschungsgruppe EU / Europa, AR*, № 1, 24 p.

33. Трунов, Ф.О. 2024, Особенности сотрудничества Германии и Литвы в конце 2010-х — начале 2020-х годов: военные и политические аспекты, *Балтийский регион*, т. 16, № 1, с. 61—80. EDN: JHXFDT, https://doi.org/10.5922/2079-8555-2024-1-4

34. Mills, C. 2023, *Military assistance to Ukraine since the Russian invasion*. London, House of Commons Library, 69 p.

35. Трунов, Ф.О. 2024, Усиление сухопутных войск как индикатор приоритетов внешней политики Польши, *Научно-аналитический вестник Института Европы РАН*, № 3, с. 31—41. EDN: DJEYHT, https://doi.org/10.15211/vestnikieran320243141

Об авторе

Филипп Олегович Трунов, доктор политических наук, ведущий научный сотрудник, отдел Европы и Америки, Институт научной информации по общественным наукам РАН, Россия.

https://orcid.org/0000-0001-7092-4864

E-mail: 1trunov@mail.ru

Представлено для возможной публикации в открытом доступе в соответствии с условиями лицензии Creative Commons Attribution —Noncommercial—NoDerivativeWorkshttps://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/4.0/deed.en(CCBY-NC-ND4.0)

GERMANY'S APPROACH TO SECURITY AND DEFENCE COOPERATION WITH POLAND BY THE MID-2020s

Ph. O. Trunov

Institute of Scientific Information for Social Sciences
Russian Academy of Sciences,
51/21, Nakhimovsky Prospekt, Moscow, 117418, Russia

Received 24 February 2025
Accepted 21 April 2025
doi: 10.5922/2079-8555-2025-2-3
© Trunov, Ph. O., 2025

This article examines the evolution of German-Polish cooperation in the political and military spheres. Methodologically, it draws on comparative analysis and the theoretical framework of armed forces development. Against the backdrop of heightened confrontation between the Euro-Atlantic community and Russia, Poland's strategic orientation has echoed that of West Germany during the Cold War. Poland has asserted its role as the largest NATO member

To cite this article: Trunov, Ph. O. 2025, Germany's approach to security and defence cooperation with Poland by the mid-2020s , *Baltic Region,* vol. 17, № 2, p. 49—72. doi: 10.5922/2079-8555-2025-2-3

state on the alliance's eastern border. It has significantly expanded its armed forces, and has become a key host of the large US military contingent. Poland expects to join the group of 'Western powers'. Concurrently, Germany has also strengthened its role within NATO. This has resulted in a complex dynamic of both cooperation and strategic rivalry between Germany and Poland. Germany has conceptually and practically emphasized the Weimar Triangle as a platform for representing EU interests, particularly in the post-Soviet space. In the 2010s, however, Poland suspended the activities of the Weimar Triangle and bilateral intergovernmental consultations in an effort to limit German influence. By the mid-2020s, both formats had been reactivated, and Germany had consolidated its position in relation to the Republic of Poland (RP). This shift was driven by Germany's growing influence in Eastern Europe beyond Poland and shared concerns about the weakening of Western influence in Ukraine and the broader post-Soviet region. Poland rapidly expanded its armed forces, becoming NATO's third-largest military by personnel in 2024. Germany has been more inert in its response, yet it has employed the Bundeswehr more rationally — particularly in the region considered a 'domestic' one — by establishing a ground presence both to its north and south. The article concludes by assessing the future trajectory of German-Polish security cooperation and the implications for the defence strategies of Russia and Belarus.

Keywords:
Germany, Poland, rising power, Weimar triangle, intergovernmental consultations, NATO, EU, armed forces, military expenditures, support of Ukraine

References

1. *World War II. The results and the lessons,* 1985, Moscow, Voenizdat, 448 p.

2. Rubinskiy, Yu. I. 2017, German-Polish relations and the Weimar Triangle, *Sovremennaya Evropa*, vol. 73, № 1, p. 123—126, https://doi.org/10.15211/soveurope120173844

3. Trunov, Ph. O. 2024, The theory and practice of formats of intergovernmental consultations functioning: the case of Germany, *International Organizations Research Journal*, vol. 19, № 2, p. 55—68, https://doi.org/10.17323/1996-7845-2024-02-03

4. Balcer, A., Blusz, K., Schmieg, E. 2017, *Germany, Poland and the future of transatlantic community*, Warsaw, Wise Europe, 36 p., URL: https://wise-europa.eu/wp-content/uploads/2017/12/GermanyPoland_and_the_future_of_transatlantic_community1.pdf (accessed 07.02.2025).

5. Belov, V. B. 2018, European vector of foreign policy of the new German government, *Sovremennaya Evropa*, № 4, p. 46—56, https://doi.org/10.15211/soveurope420184656

6. Nemensky, O. B. 2024, The Law and Justice party's "history policy" during 2015—2019, *Problemy natsional noi strategii=National Strategy Issues*, № 1, p. 180—205 (in Russ.), https://doi.org/10.52311/2079-3359_2024_1_180

7. Trunov, Ph. O. 2023, The electoral factor in inter-state relations: Germany-Poland political dialogue (2013—2022), *Urgent Problems of Europe*, № 2, p. 109—137 (in Russ.), https://doi.org/10.31249/ape/2023.02.06

8. Pron'ko, V. A. 2000, The military strategy after World War II, *The history of military strategy of Russia*, p. 377—496 (in Russ.).

9. Belinsky, A. V. 2024, Neighbors, partners, competitors: Western and Central-Eastern Europe at the turn of the epoch, *Urgent Problems of Europe*, № 2, p. 22—39 (in Russ.), https://doi.org/10.31249/ape/2024.02.02

10. Trunov, Ph. O. 2019, Current German-Polish relations: Political-military dimension, *Urgent Problems of Europe*, № 3, p. 169—190, https://doi.org/10.31249/ape/2019.03.08

11. Lang, K.-O. 2018, Deutschland und Polen: Kooperation trotz Differenzen, *SWP-Aktuell*, № 12, 8 p., URL: https://www.swp-berlin.org/publikation/deutschland-und-polen-kooperation-trotz-differenzen (accessed 07.02.2025).

12. Trunov, Ph. O. 2024, Features of Intergovernmental consultations. The case of Germany, *Sovremennaya Evropa*, № 2, p. 45—56, https://doi.org/10.31857/S0201708324020049

13. Trunov, Ph. O. 2022, The evolution of NATO's Forward Presence Force by mid-2022, *Russia and the contemporary world*, № 4, p. 100—122, https://doi.org/10.31249/rsm/2022.04.06

14. Klemeshev, A. P., Vorozheina, Ya. A. 2018, National-conservative turn of Poland in geopolitical context, *Polis (Russian Federation)*, № 5, p. 17—28, https://doi.org/10.17976/jpps/2018.05.03

15. Dyrina, A. F. 2023, Poland elects «Law and Justice»: the party's success in the 2015 and 2020 elections, *Urgent Problems of Europe*, № 2, p. 91—108, https://doi.org/10.31249/ape/2023.02.05

16. Dyrina, A. F. 2023, Poland on the eve of the 2023 parliamentary elections: Polish right preparing for a third term, *Urgent Problems of Europe*, № 4, p. 313—330 (in Russ.), https://doi.org/10.31249/ape/2023.04.15

17. Lang, K.-O. 2023, *Die Welt der PiS*, Berlin, Stiftung Wissenschaft und Politik, S 12, 39 p., https://doi.org/10.18449/2023S12

18. Dyrina, A. F. 2023, Results of parliamentary elections in Poland (2023): new government led by D. Tusk, *Urgent Problems of Europe*, № 4, p. 107—122 (in Russ.), https://doi.org/10.31249/ape/2024.02.06

19. Klemeshev, A. P., Vorozheina, Ya. A. 2022, Kaliningrad oblast in changing geopolitical situation in Europe, *National strategy issues*, № 4, p. 243—255, https://doi.org/10.52311/2079-3359

20. Zverev, Yu. M. 2023, Three Russian Baltic regions in the context of confrontation between Russia and the West, *Baltic Region*, vol. 15, № 4, p. 24—41, https://doi.org/ 10.5922/2079-8555-2023-4-2

21. Zverev, Yu. M., Mezhevich, N. M. 2024, *Militarization of Poland and possible responses of the union state within the framework of the theory of regional security complexes,* Kaliningrad, Baltic Federal University, 126 p. (in Russ.).

22. Zverev, Yu. M., Mezhevich, N. M. 2022, The Republic of Belarus and the Kaliningrad Region of Russia as a sub-regional security complex, *Baltic Region*, vol. 14, № 3, p. 64—82, https://doi.org/10.5922/2079-8555-2022-3-4

23. Ovcharuk, A. P. 2024, Poland's policy in the Ukrainian crisis and its consequences for Russia, *The Herald of the Diplomatic Academy of the MFA of Russia. Russia and the World,* № 1, p. 110—124 (in Russ.).

24. Rusakova, M. Yu. 2021, Poland and new trends in Central European regional configuration, *Sovremennaya Evropa*, № 101 (1), p. 52—61, https://doi.org/10.15211/soveurope120215261

25. Bitkova, T. G., Dyrina, A. F. 2024, The place of Central and Eastern Europe in the US — China rivalry: cases of Poland and Romania, *Urgent Problems of Europe*, № 4, p. 260—277, https://doi.org/10.31249/ape/2024.04.14

26. Trunov, Ph. O. 2022, *The German model of military reforms*, Moscow, INION RAS, 360 p. (in Russ.).

27. Fleckenstein, B. 1990, Fremde Truppen im Vereinigten Deutschland — Gegenwärtige Situation und künftige Aussichten, *SOWI-Arbeitspapier*, № 44, 12 p.

28. Trunov, Ph. O. 2024, Burden-sharing between Western states in containing Russia and China Case of Land forces usage, *Mezhdunarodnye Protsessy*, vol. 22, № 1, p. 80—105, https://doi.org/10.46272/IT.2024.22.1.76.4

29. Trunov, Ph. O. 2024, The evolution of the US military presence in Europe (2017—2023), *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*, № 10, p. 64—80, https://doi.org/10.31857/S2686673024100058

30. Major, C., Swistek, G. 2022, Die NATO nach dem Gipfel von Madrid, *SWP-Aktuell*, № 48, A 49, 8 p., https://doi.org/10.18449/2022A49

31. Menon, R., Rumer, E. 2015, *Conflict in Ukraine. The Unwinding of the Post-Cold War Order*, Boston, Boston Review Book, 220 p.

32. Ondarza von, N. 2019, Der No-Deal Brexit, *Forschungsgruppe EU / Europa, AR*, № 1, 24 p.

33. Trunov, Ph. O. 2024, Military and political cooperation between Germany and Lithuania in the late 2010s to early 2020s, *Baltic Region*, vol. 16, № 1, p. 61—80, https://doi.org/10.5922/2079-8555-2024-1-4

34. Mills, C. 2023, *Military assistance to Ukraine since the Russian invasion*, London, House of Commons Library, 69 p.

35. Trunov, Ph. O. 2024, Strengthening of ground forces as an indicator of Poland's foreign policy priorities, *Scientific and Analytical Herald of IE RAS*, № 3, p. 31—41 (in Russ.), https://doi.org/10.15211/vestnikieran320243141

The author

Prof Philipp O. Trunov, Leading Research Fellow, the Department of Europe and America, the Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Russia.

https://orcid.org/0000-0001-7092-4864

E-mail: 1trunov@mail.ru

Submitted for possible open access publication under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution — Noncommercial — No Derivative Works https://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/4.0/deed.en (CC BY-NC-ND 4.0)